

МАРИНА
ЛЬДЕНБЕРГ

СНЕЖНОЕ
КОЛДОВСТВО

18+

Марина Эльденберт

Снежное колдовство

<https://litres.ru/74436913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бонусная повесть к циклу "Леди Энгерии".

Осторожно: серьезные спойлеры по всем книгам! Лучше читать только после всех книг цикла!

Страхи и сомнения посещают все, даже самые счастливые семьи. Чаще всего они не покидают границ наших мыслей и снов, но что, если однажды в волшебную зимнюю ночь они станут реальностью?

Содержание

1	4
2	11
3	16
4	21
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Эльденберт

Снежное колдовство

1

Тереза

— Ты когда-нибудь видел столько снега в Лавуа? — спросила я.

С тех пор, как изобрели порталные амулеты, перемещаться между городами стало значительно проще. Ну ладно, перемещаться между городами стало значительно проще нам, потому что по большому счету, порталные амулеты — секретная разработка ведомства моего мужа и Эрика. Магии в них сосредоточено столько, что от активации темнеет перед глазами, не говоря уже о том, какова будет их стоимость, если его величество все-таки примет решение раскрыть разработку миру.

— Никогда, — честно признался Анри. — Мы бы здесь не проехали.

Здесь мы бы действительно не проехали. Несмотря на то, что железные дороги сейчас развиваются, до ближайшей станции часов шесть езды: родовой замок де Ларне стоит на берегу моря. Несколько месяцев назад мы закончили его восстановление, и к Празднику зимы впервые решили собраться

здесь. Учитывая, что все предыдущие годы мы встречались у Винсента, в Мортенхэйме, я волновалась. Если так можно выразиться. Наверное, так можно выразиться, потому что я впервые поняла, что чувствовала матушка, собирая толпы гостей.

Нет, толпы у нас не ожидалось, все свои: Винсент и Луиза с детьми, Эрик и Шарлотта с сыном, наша семья и, возможно, Лавиния с Льером. Впрочем, насчет последнего я не обнадеживалась, в Аурихэйме свои традиции, а если твоя сестра королева мира элленари, загадывать, получится ли у нее посетить твой праздник, не стоит.

— О чем задумалась? — спросил муж, обнимая меня.

— О ком. О Лавинии.

— И что же ты думаешь о Лавинии?

— До сих пор не могу поверить, что она правит Аурихэймом.

Анри приподнял брови.

Стоять с ним здесь, на занесенном снегом побережье, куда мы перенеслись порталом, было на удивление уютно. Шум моря, такого теплого летом, а сейчас напоминавшего жидкий свинец, на который набросали обрывки кружев, навевал мысли о том, как я впервые оказалась здесь. Я смотрела на громаду вновь возведенного замка, манящего теплом огней, положив ладони на сильные руки мужа.

— Иногда мне хочется, чтобы все было как раньше,

— призналась я. — Мы в Мортенхэйме, матушка готовит

Праздник зимы. Лави совсем девчонка...

— И ты еще не встретила меня.

— Обязательно надо все портить?

— Ну не все же тебе разносить романтику в тлен. — Анри поцеловал меня в макушку. — Пойдем, нас ждут к определенному часу. Не хочу, чтобы все подняли суету по поводу того, что нас разбросало по всему миру.

Я фыркнула. Испытания порталных амулетов проводились такие, что никому и не снились, и только когда стало понятно, что это полностью безопасно, ими впервые воспользовались люди. Агенты Комитета. А после и мы. Основная проблема порталных амулетов заключалась в том, что переместиться можно было только туда, где установлен принимающий амулет. Маги могли перенастраивать маршруты с помощью серьезных плетений (это я проверяла лично), но не все были магами. К тому же, это отнимало уйму сил.

Дорожка от побережья к замку была расчищена, но ни дилижанс, ни экипаж, ни тем более мобиль от железнодорожной станции в Лавуа сюда не прошел бы. Что касается дирижаблей, по соображениям безопасности им категорически запрещалось подниматься в воздух в такую погоду.

— Добрались? — стоило нам шагнуть в пахнувший хвоей теплый холл, нам навстречу вышли Жером и Мэри. Она еще была в повседневном платье, но волосы уже уложила, и сияла как праздничный шарик в ослепительных лучах света.

— Милорд. Миледи!

— Ой, давайте без церемоний, — я отмахнулась. — Мэри! Мы обнялись.

— Пойдемте, я помогу вам одеться. — Мэри увлекла меня за собой, Жером с Анри направились в сторону кабинета.

Вот чего я на самом деле не могу понять, так это почему женщины должны одеваться, а мужчина пару раз ладонью провел по волосам, надел чистую рубашку — и все, красавчик. Вслух я этого не сказала, тем более что с моими размышлениями на этот счет мало кто был согласен. Мэри согласилась бы, но с ней мне гораздо интереснее было поговорить о другом. Например, о том, как проходят их с Жеромом долгожданные выходные. Жером работал с Анри, поэтому и отдохнуть вырвался первый раз за много лет.

— Так, миледи, давайте выберем платье...

— Мэри, прекрати! — Я легонько стукнула ее по руке. Образно говоря, Мэри уже давно перестала быть моей камеристкой, мы стали подругами еще много лет назад, но она по-прежнему оставалась со мной. Так же, как Жером с Анри.

— Да мне в радость, — рассмеялась она, открывая большой платяной шкаф. Наши с Анри вещи прибыли раньше, и Мэри, разумеется, проследила за тем, чтобы все развесили и отгладили.

— Мне тоже, но только тогда, когда ты называешь меня Терезой, — я улыбнулась. — Рассказывай, как вам здесь живет.

— Чудесно, — призналась она, перебирая платья, и ото-

двигая те, на которые я сразу качала головой. Неожиданно Мэри остановилась, а потом показала мне краешек подола: — Что скажете насчет этого?

Мое синее платье. Живо оно было только потому, что я сохраняла его с помощью магии. Платье, с которым столько всего было связано, и которое ни одна уважающая себя леди не оставила бы в гардеробе после стольких лет. А я вот оставила, и больше того, под лукавым взглядом Мэри неожиданно поняла, что хочу его надеть. Хочу снова ощутить себя той Терезой, которой я когда-то была.

— Ты его положила?

— Разумеется, — Мэри кивнула. — Вы столько раз смотрели на него в городе...

Она не договорила, а я приблизилась, скользнула пальцами по синему шелку. И словно упала в прошлое: вот мы с Анри стоим у магазина Хлои Гренье, вот ссоримся, и я слышу треск платья, которое он все-таки для меня купил. В этом платье я танцевала с Симоном Эльгером на балу, в этом платье... столько всего для меня. Столько всего, что сейчас кажется давно забытым, утраченным.

— Да, — сказала я, отпуская шелк, с легким шорохом скользнувший в темную пасть шкафа. — Пожалуй, да.

— Вот и чудесно, — Мэри улыбнулась. — С нарядом определились. Теперь — принимать ванну и делать прическу.

Ванная здесь тоже под старину, но водопровод более чем

современный. Поэтому я могу позволить себе наслаждаться отдыхом, рассматривая шапку белоснежной пены с ароматом лаванды. Лаванда — аромат моего мужа, аромат нашей с Анри любви, который сейчас кажется таким же далеким, как и наше прошлое. В последнее время мне кажется, что между нами не осталось романтики, а все сводится исключительно к тому, что мы семья.

— Софи уже проснулась? — спрашиваю у Мэри, чтобы хоть немного отвлечься от странных мыслей. — Не уверена. Она приехала рано утром, и сразу же после завтрака легла спать. Ох, и повезло ей... потом начался этот снегопад. Мне кажется, он с каждой минутой только усиливается. Мне тоже так кажется (в горизонтальном витражном окошечке от снега бело, как днем), но это уже не страшно.

Близнецы в замке, Софи, моя дочь-путешественница, кажется, побывавшая в каждом уголке мира — тоже. Все остальные придут с помощью порталных артефактов или порталов, так что беспокоиться не о чем.

При мысли о порталах снова вспоминаю Лавинию. Когда выяснилось, что моя сестра повелевает сильнейшей магией, да что там, она одна из тех, кто является ее источником (и если уж говорить откровенно, я — тоже), я долго не могла привыкнуть к этой мысли. Тем не менее открытие границ Аурихэйма, мира, который долгое время считался легендой, подарило нам возможность создавать более мощные и совершенно невероятные артефакты. Если уж так говорить, пор-

талы работают на магии искажений, которую мы берем из Аурихэйма. Но Анри (и я в общем-то тоже), считает, что элленари пока не готовы существовать рядом с людьми. Большинство, разумеется, мои родители были одними из немногих, кто добровольно покинул мир могущественной магии.

— И еще, миледи... Тереза! — Мэри смеется, заметив мой взгляд. — У меня для вас новость.

Она прикладывает руки к животу, и я охаю. Невероятно! Спустя столько лет, когда они с Жеромом почти отчаялись...

— Поздравляю!!!! — выдыхаю искренне. — Давно ты узнала?

— Да вот... несколько дней назад. — Мэри снова сияет. — Обнимать буду, когда смою пену! Мэри снова смеется, а я смотрю на нее и думаю, что это настоящее зимнее чудо!

Луиза

Всевидающий, кто придумал эти идиотские порталные амулеты?! Я приложила ладонь к губам и сделала вид, что восхищаюсь видами замка де Ларне. Честное слово, лучше восхищаться видами замка, чем выглядеть так, будто тебя вот-вот стошнит. Даже если тебя и правда вот-вот стошнит.

— Луиза, с вами все в порядке?

Мой муж в своем репертуаре.

— И будет еще лучше, Винсент, если ты прекратишь называть меня на вы.

Дарен тоже прикрыл рот ладонью, Хлоя плотно сжала губы. Даже мои дети переносят порталы лучше меня!

— Могу вам напомнить, леди Луиза, что не далее как год назад вы сами настаивали на том, чтобы я называл вас на вы.

Время идет, а ничего не меняется. Как был злопамятным, так и остался, а между прочим, в нашей серьезной ссоре был виноват он сам!

— Могу вам напомнить, ваша светлость, что я в тот момент настаивала и на кое-чем еще, — замечаю я и выразительно приподнимаю брови.

До Винсента, кажется, доходит, о чем я говорю, и лицо у него слегка вытягивается (ну да, в то время у нас были раз-

ные спальни). А вот пусть не думает, что у него одного хорошая память. Дарен тоже плотно сжимает губы:

— Мам, пап, может пойдем?

Наши вещи доставили заранее, поездом, поэтому сейчас нам не надо беспокоиться о багаже. Это, пожалуй, плюс портальных амулетов. А минус в том, что меня до сих пор тошнит!

Мы идем по расчищенной дорожке, приближаемся к массивным дверям, залитым золотым светом фонарей. Кажется невероятным даже представить, что еще несколько лет назад здесь были развалины. Я их никогда не видела, и искренне этому рада: мне гораздо больше нравится видеть замок де Ларне таким сияющим и полным жизни.

В холле нас встречают Анри и Жером:

— Как добрались? — интересуется Анри.

Он весь сияет, и даром что не буквально: его антимагия, она же золотая мгла, пугает меня до жутиков. Впрочем, как однажды сказала Тереза, меня до жутиков пугает даже собственное отражение спросонья. Что бы она еще понимала!

— Отлично, — как всегда, за всех отвечает Винсент. — Кристоф и Кристиан уже здесь?

— Да, они приехали вчера.

— Тогда Дарена можно проводить к ним.

Жером едва заметно улыбается и кивает нашему сыну:

— Пойдем. Покажу тебе твою комнату.

Дарен стряхнул с волос снег и, на ходу развязывая накид-

ку, направился следом за ним.

— У меня есть к тебе серьезный разговор, де Ларне. Мэри?

Мэри спускалась по лестнице, и мой муж, разумеется, не мог ее не заметить. В этом он весь: стоит кому-то попасть в поле его зрения, и начинается раздача приказов и прочего.

— Поможешь моей жене и дочери устроиться?

— С удовольствием, — Мэри протягивает нам руки. — Пойдемте. Вы наверняка хотите отдохнуть и переодеться.

Чего я сейчас хочу точно — так это наступить Винсенту на ногу! Больно. Потому что он, как всегда, не спросил, чего я хочу, а еще потому, что лицезреть его спину, властью наделенную, мне уже порядком надоело. Тем не менее сейчас мы с Хлоей идем вслед за Мэри, а она на ходу рассказывает, что Тереза уже почти готова, и скоро может составить нам компанию. Говорит, что у нас будет своя камеристка и горничные, которые помогут нам одеться и расстелить постель после праздника, она вообще много говорит, но я мало слушаю.

Мне кажется, что точно так же Винсент не слушает меня, но если в случае со мной и с Мэри это допустимо, то между любящими друг друга людьми — совершенно точно нет! Правда, Винсент, кажется, категорически этого не понимает. Равно как и не понимает, что наша ссора началась именно с этого. Образно говоря, началась она с того, что он мной воспользовался, чтобы заманить в ловушку Эрика Эльгера,

которого считал злом во плоти. Совершенно не считаясь ни с моими чувствами, ни с чувствами девушки, которую я, получается, подставила. Да что там, мне до сих пор неловко смотреть им в глаза, даже несмотря на то, что эта ситуация давно разрешилась, а Эльгер с моим мужем заключили от-носительное подобие перемирия.

Ключевое слово: подобие.

— ... ваша комната, а вот комната Хлои, — Мэри отступила в сторону, позволяя мне полюбоваться на убранство детской.

Что ни говори, а оформлена она была волшебной. В детстве я и сама от такой бы не отказалась. В детстве...

Мне вдруг отчаянно захотелось стать маленькой, вернуться в то время, когда папа желал мне доброй ночи и укутывал одеялом. Или хотя бы в то время, когда я думала о том, что смогу стать самой любимой на свете... Но нет, у Винсента одна-единственная страсть на все времена: это власть и контроль. А мне, похоже, придется, с этим смириться.

— Мама, мама, я смогу остаться с вами после ужина? — Хлоя с размаху запрыгнула на постель прямо в накидке и сапожках.

Винсент говорит, что я ее балую, и это правда.

— Можно, — сказала я, подхватывая дочь на руки, — но только до десяти. Обувь, Хлоя!

— Ой! Прости!

В глазах дочери мерцают веселые искорки, на самом деле

она ни капельки не раскаивается.

— Иди сюда, — усаживаю ее себе на колени и снимаю сапожки. — Давай-ка устроимся, пока к нам идут горничные и камеристка.

Все-таки часть из того, что сказала Мэри, я услышала: наверно, этот навык обретается с титулом. А еще вместе с титулом обретается самый невыносимый герцог на свете. На этой мысли я себя останавливаю и возвращаюсь к Хлое, которая уже предвкушает, каким чудесным будет семейный праздник.

Мне бы ее оптимизм!

Винсент

Кабинет де Ларне достоин монарха: просторный, с высокими витражными окнами, большим камином, в котором танцует пламя, массивным столом из красного дерева и полотнами в изящных рамах. На двух из них портреты родителей графа, на последней — лавандовое поле в летний день.

— Кисть герцогини де ла Мер? — предполагаю я, оставаясь возле него.

Де Ларне кивает.

— Да, Тереза влюбилась в эту картину, и Шарлотта подарила ей ее.

— Я хочу его приобрести. Цена не имеет значения.

Это определенно порадует мою жену.

— Подожди, де Мортен, — смеется граф. — Переступил порог моего дома, а уже хочешь перекупить все, что есть в нем ценного?

— Только эту картину.

— Мою картину! Эрик и Шарлотта тоже приглашены на праздник. Поговоришь с герцогиней лично и попросишь себе свою.

— Эльгеры тоже будут?

— Конечно. Он же мой брат.

Новость заставляет меня мысленно скрипнуть зубами. Шарлотта мне нравится, но ее муж... Сложно относиться хорошо к тому, что сначала чуть не убил одну твою сестру, а потом отправил в мир элленари вторую. Пусть даже в конечном счете обе нашли свое счастье, я понимал, что вряд ли мы с Эльгером найдем общий язык. Для этого мне нужно как минимум потерять память или лишиться рассудка.

И что теперь? Проводить праздники в обществе этого психа?

Хуже не придумаешь!

Но остальных, видимо, это не волнует.

Граф наливает нам портвейн из хрустального графина, протягивает мне бокал и располагается за столом. Я же слеую его примеру, опускаясь в массивное, под стать столу, кресло.

— Так о чем ты хотел переговорить? — прищуривается де Ларне, сделав небольшой глоток. — Надеюсь речь пойдет не о работе? В конце концов, сегодня праздник.

— Нет, это не касается внешней политики Энгерии, — возражаю я. — Скорее внутренней политики моей семьи.

— Даже так?

— Я хотел поговорить о вас с Терезой.

Лицо графа становится таким, будто вместо вина в его бокале оказался лимонный сок без ложки сахара.

— Снова? — уточняет он. — По-моему, я давно доказал тебе, де Мортен, что способен сделать свою жену са-

мой счастливой женщиной в мире. Она занимается наукой и магией, Равьенн и еще несколькими школами, постоянно в разъездах по этому поводу, но я ей и слова не говорю. Не спорю, наш брак начался не сказать чтобы чудесно, но все, через что мы прошли...

Де Ларне распаляется так сильно, что я поднимаю руку, останавливая поток его аргументов.

— В том, что моя Тереза в надежных руках, я убедился давно.

— Моя Тереза, — поправляет он. — Ты отдал ее мне.

— Будто у меня был выбор! — рычу я. — Наши женщины делают, что хотят.

Граф кивает.

— И приказы с ними не работают, — продолжаю.

— Только хитрость, — снова соглашается Анри, и я делаю глоток, прежде чем продолжить.

— Именно поэтому мне нужен твой совет.

Брови де Ларне взлетают вверх.

— Совет?

— Да. Мне кажется... Нет, я абсолютно уверен, что Луиза хочет от меня уйти.

— Уйти?

— Сбежать. Как уже было в прошлом. И ее ничто не остановит. Ни осуждение общества, ни отсутствие роскоши, к которой она привыкла, ни даже наши дети.

— Подожди-подожди! С чего ты вообще решил, что она

хочет именно этого?

Признаваться в этом де Ларне было неловко, но уверенность в том, что мои худшие опасения вот-вот подтвердятся крепла с каждой минутой. Сегодня утром Луиза вела себя иначе, но стоило нам войти в портал, все изменилось.

— У меня давно возникали подобные мысли. В последнее время мы слишком охладели друг к другу. У каждого своя жизнь, все меньше общих интересов. Все разговоры сводятся к обсуждению детей или погоды. Иногда меню для званых ужинов.

— Почему ты решил обратиться именно ко мне?

— Потому что у вас с Терезой все в порядке. За столько лет она до сих пор тебя не убила, и никуда от тебя не сбежала.

— Да, это точно хороший знак, — в голосе Анри звучит сарказм. — Вспомни, что ты делал в самом начале ваших отношений.

— В самом начале мы спорили и говорили друг другу гадости.

Де Ларне смотрит на меня, как на безумного.

— Это не подходит. Вспомни о чем-то приятном.

О приятном тоже вспоминается. О том, какая у моей супруги нежная кожа, какие шелковые волосы, сладкие губы... Но в последнее время даже наша страсть превратилась в рутину.

— Позаботься о маленьких подарках, — говорит граф.

— Ты решил продать мне картину?

— Нет, картина напомнит ей о вашей ссоре.

— Эльгеры напомнят ей о нашей ссоре.

— Значит, подружись с моим братом! Если это доставит радость Луизе, то почему бы и нет?

Нет.

Даже ради Луизы.

Разве что ради Луизы...

Я опрокидываю в себя бокал и мрачно киваю. Как раз в тот момент, когда Анри смотрит за мое плечо.

— Кстати, а вот и он.

Эрик

— Эрик, тебе не говорили, что в высшем свете принято стучать? — интересуется брат.

— Мне много чего говорили, я и половины сейчас не вспомню, — отвечаю, протягивая руку де Мортену.

Тот с привычно кислой физиономией ее пожимает. Слава Всевидящему, что мы здесь ненадолго. Если честно, я здесь вообще исключительно из-за Шарлотты: мне все эти развлечения даром не сдались, равно как и семейные праздники. Была бы моя воля, заперся бы с ней в доме и на улицу не выходил без крайней на то необходимости. Бывали дни, когда и не выходил, но с тех пор, как в моей жизни появилась Шарлотта, я пытаюсь жить как все нормальные люди.

Так это, кажется, называется.

— Собственно, я зашел сказать, что мы уже здесь, — отвечаю на рукопожатие брата, — поэтому не буду вас дольше отвлекать. Беседуйте о том, на что вы способны ради жен, а я поднимусь к своей.

— Эрик, — темнея лицом, произносит Анри.

— Анри, — отвечаю я, раскрывая ладонь. — Между прочим, тестирую изобретение для твоей конторы.

— Моя контора, как ты выразился, — жестко говорит

брат, — не спонсировала начало этой разработки.

— Ну так считайте это благотворительностью, — сообщаю я, демонстрируя узор на ладони.

Доработанный узор, чуточку от армалов, немного от мааджари, и вот оно — возможность слышать определенного человека при нужной настройке безо всяких артефактов. Незаменимая вещь для разведки, между прочим, но Анри выглядит как всегда. Поэтому я разворачиваюсь и оставляю их наедине с де Мортеном.

— Невыносимо, — голос брата звучит в моей голове.

Какой-то слишком усталый — как он вообще праздновать собирается?

— Де Ларне, не стоит...

Я стираю узор, точнее, нарушаю контуры, окончательно оставляя их наедине. Сюда бы еще доработку, чтобы можно было вот так общаться... но думаю, со временем и это решится. Как-то помимо прочего я слегка увлекся наукой, и причиной тому — она. Моя Шарлотта. Благодаря ей я увлекся столькими сферами, о которых раньше даже не думал. Это позволяет моему бизнесу процветать, а имя де ла Мер с каждым годом все меньше ассоциируется с моим отцом.

Впрочем, мне гораздо больше нравилось Орман.

Шарлотта в спальне стоит у окна, заметив меня, оборачивается. Она уже не та наивная девочка, которой я увидел ее когда-то, но для меня она всегда останется такой. Страшно даже представить, что я тогда творил, и невозможно — что

она смогла меня простить. Впрочем, как раз в том, что касается Шарлотты — это возможно. Она всегда была светлой, невероятно светлой, и доброй. И она всегда будет такой.

— Уже поговорил с Анри? — интересуется жена.

— Да.

— Так быстро.

— Да не о чем с ним особо говорить.

— Эрик!

— Там был де Мортен.

Шарлотта закусывает губу, а потом подходит ко мне. Кладет руки мне на плечи.

— Я думала, вы помирились.

— Мы помирились достаточно для того, чтобы я не хотел его убить, когда захожу в комнату.

Она качает головой, и мне невыносимо хочется впиться поцелуем в ее такие желанные губы. Чувство, которое мне непонятно, с которым я не могу справиться, которое не могу понять. Его называют любовью, я называю его Шарлоттой. Потому что до сих пор не уверен, что умею любить.

— Ты опять на себя наговариваешь.

— Я просто говорю правду.

— Эрик. — Она вздыхает, а потом вдруг становится рас-
терянной. — Я все-таки очень переживаю за Рауля. Как думаешь, все будет хорошо?

Все ли будет хорошо? Мы с Шарлоттой до последнего сомневались, стоит ли оставлять сына, но и брать его с собой

тоже был не лучший вариант. Портальный переход для него слишком серьезное испытание, Рауль еще очень мал, а переезд до Ларне — тем более. Поэтому совместно нами было принято решение оставить его на няню.

— Разумеется, будет. — Я беру руку Шарлотты в свою и целую тонкие пальцы. — Я обещал Франсуаз оторвать ей голову, если с его головы упадет хотя бы волос.

Жена отнимает руку.

— Эрик!

— Что? — я приподнимаю брови.

— Это ненормально!

— Я никогда не обещал, что буду нормальным.

Шарлотта хмурится.

— Я о том, что... ненормально, что слуги нас боятся!

— Они боятся меня. Тебя они любят, — снова подхватываю ее хрупкую руку и разворачиваю ладонью вверх, чтобы коснуться губами самого центра. — По-моему, этого вполне достаточно.

Жена сердито сопит. Она такая смешная, когда сердится, особенно — учитывая, что и сердиться-то толком не умеет.

— Я пошутил, — отвечаю, глядя ей в глаза, скользя губами по тонкой коже. — Не переживай, Тхай-Лао и Сюин проследят, чтобы все было в порядке. Не забывай, у нас здесь порталные амулеты, одна активация — и мы дома.

Шарлотта пытается отнять руку, но я не отпускаю. Мне нравится повторять губами тонкую ниточку пульса. По-хо-

рошему, активировать бы сейчас этот порталный амулет, и вернуться домой, а там делать с ней все то, о чем я сейчас думаю. Но... Шарлотте это действительно нужно. Ей нужна семья, ей нужна встреча с Терезой и Луизой, все эти женские разговоры, которых она долгое время была лишена. Завтра утром, сразу как вернемся, к нам приедут ее мать и сестра, и у меня опять будет очередной долгий «семейный день».

В котором моя радость — это она.

Анри бы сказал, что я на ней помешался, и это так. Я на ней помешался. Долгое время я обходился без общества и без слуг, довольствуясь короткими диалогами с Тхай-Лао и Фьет-Лао, в редких случаях — с Сюин. Благодаря долгим путешествиям и «Ваорхан» мне приходилось общаться с огромным количеством людей, но все они оставались в прошлом, стоило мне выйти из их кабинета, или им из моего.

Исключением была разве что Камилла, и то недолго.

Ради нее я не стал бы нанимать слуг и не стал бы устраивать приемы, не стал бы участвовать во всем этом кошмаре, именуемом «семейные радости», но...

— Эрик, — когда я касаюсь губами сгиба ее локтя, голос Шарлотты становится низким. — Мне пора переодеваться к празднику. А еще нужно успеть принять ванну...

— Я сам тебя одену, — говорю я, — и ванну мы примем вместе. Но сначала надо тебя раздеть.

Удивительно, как чутко она отзывается на эти слова, я чувствую ее дрожь, втекающую в мое тело через губы. Сам

отпускаю ее руку, и, когда она поворачивается ко мне спиной, щелкаю застёжками платья. Выбившаяся из причёски огненная прядь на шее сводит меня с ума, заставляя сжимать пальцы сильнее, но Шарлотта ничего этого не чувствует. Сильнее я сжимаю пальцы только на крючках, скрытых под тканью, и если тьма, пытающаяся прорваться в этот мир сквозь меня, все еще жива, я лично ее уничтожу, как когда-то Аддингтона.

Я лично уничтожу любого, кто попыбует причинить этой девочке вред.

Даже себя.

Тереза

Меня не покидает странное предчувствие. Из тех, что бежит по коже липким холодом, собирается в районе груди и мешает наслаждаться чудом, окружающим нас со всех сторон.

Это чудо — украшенный замок де Ларне, островок света посреди заснеженной ночи. В столовой горит камин и свечи (несмотря на то, что мы с Анри провели сюда электричество), эта ночь — особенная. Мы хотели воссоздать ее такой, какой помним мы все. Хотели повторить ту атмосферу снежного волшебства, которую матушка так умело создавала в Мортенхэйме.

Она любила принимать гостей, иногда мне кажется, что больше приемов она любила только Лавинию. Возможно, мне это только кажется.

— Ты снова в себе, Тереза, — напоминает Анри.

А это, между прочим, его первые слова! Первые слова с той минуты, как он заглянул в наши комнаты, чтобы проводить меня в зал: на правах хозяев мы в столовую приходим первыми, и слушаем завывания ветра за каменными стенами. Мэри убежала переодеваться, они с Жеромом скоро будут... и сомневаюсь, что его первыми словами, когда она выйдет к нему в красивом платье, а в нашем с Анри случае

еще и в том, которое значит для нас двоих очень и очень много, будут: «Ты снова в себе».

— Задумалась, — отвечаю я, рассматривая ель, в стеклянных боках разноцветных игрушек — блики от многочисленных свечей, в мишуре — искры от пламени камина.

— О чем же?

— Странно, что тебя это вообще интересует.

Анри щурится: о да, я отлично знаю этот прищур, выдающий крайнюю степень его раздражения. Вот только раздражаться тут положено мне, но не при слугах же! Они выстроились вдоль стен, готовые к подаче блюд, когда все соберутся, и это, пожалуй, наш первый семейный праздник. Только семейный, когда никаких лишних расшаркиваний, обмена любезностями по этикету и прочего.

Я думала, что эта ночь станет одной из самых счастливых в моей жизни.

А муж даже не заметил, во что я одета.

Сам он в темно-синих брюках и темно-синем камзоле, жилета под которым не наблюдается — Анри никогда не утруждал себя этикетом в одежде. Эта его небрежность сначала очень раздражала, потом — очень нравилась. Сейчас же я даже не могу найти в себе слов, чтобы подобрать чувства, которые меня охватывают. Они все странные, смешанные, и как будто не мои — той женщины, какой я была задолго до встречи с ним. Или в первые дни нашей встречи.

Мне хочется развернуться и выйти из столовой, а еще

лучше — попросить его застегнуть камзол и верхние пуговицы рубашки! Вместо этого я кладу руку на спинку стула и рассматриваю протянувшиеся над нашими головами гирлянды. Они созданы из тонких сверкающих нитей и крохотных елочных украшений, которые мы с Анри нашли в Лации, на ярмарке перед Праздником Зимы года три назад. Когда часы пробьют полночь, я запущу множество маленьких световых магических шариков, чтобы все их грани вспыхнули особенно ярко.

После ужина мы переместимся в гостиную и будем танцевать.

Возможно.

Кажется, это моя первая праздничная ночь без бала впервые за долгое время. Но танцевать мы будем исключительно в том случае, если Лавиния с Льером соизволят явиться. Музыкантов мы не приглашали, поскольку решили ограничиться только семейным кругом, а изо всех нас сносно музицирует только Лавиния. Не исключено, что еще Шарлотта, но таких тонкостей я не знаю, потому что у нас она никогда не играла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.